

Об авторе. 74 года. Живет в Санкт-Петербурге (Россия). "Поэт, поэт-переводчик, публиковался под псевдонимом "Артём Бордесар"..."

По образованию - инженер-строитель, автор книг поэтических переводов западноевропейских классиков с английского, французского и немецкого языков".

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

(вторая редакция)

Грустят валы ямбических морей

Н.Гумилёв

И в тумане дождей есть надрывное что-то,
Что буравит висок перехлёстной игрой.

Век серебряный грезил безумством полёта,
Восходя в апогей над тягучей рекой,
Где архангел с крестом дозирует и ныне,
Убежав от извечной тоски пирамид,
Служат сфинксы, забывшие скуку пустыни,
Сторожа город-призрак, одетый в гранит.

Век творил и, в пылу создавая аншлаги
То в «Бродячей собаке», то в стенах дворцов,
Жил в калмыцкой степи и у стен Карадага,
Среди древних, как Рим, киммерийских холмов.
И блистали, забыв декаданса фиаско,
Пережив футуристов малиновый грай,
Незнакомка в шелках, ананасы в шампанском,
Заблудившийся в сказочном мире трамвай.

Грянул гром, и пожарища век захлестнули.
Шли валы, пели волны, звенело в ушах,
И, февральский мороз прорезавшие пули,
Возвещали свободу и сеяли страх.
Век творил, мыслеобразы переплавляя.
Вольный дух укрощался судьбой роковой.
Шли Двенадцать, по улицам гулким стреляя.
Книга дней прошивалась железной строкой.

Спор, как зуд, донимал. Сон не ведал покоя,
Сохранив только образ развеянных грёз,
Что дразнил колыханьем весеннего роя
Алых бабочек и сизокрылых стрекоз.
Век ушёл, рассыпаясь осколками храма.
Билось море о камни, как песня без слов.
И звучала в тоскующих снах Мандельштама
Грусть в ямбическом хоре поющих валов.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Плескалось время в половодье дня,
Уже полузакрывшего ресницы.
И, раритетной лёгкостью дразня,
Из прошлого въезжала колесница.

И в стужу я под солнцем был палящим,
Перемещаясь по орбите лет,
И прошлое казалось настоящим,
Как саламандра, изменяя цвет.

Растаял снег и свежая листва
Взошла в коре заледенелых веток.
И возникали новые слова,
Протискиваясь вдоль тетрадных клеток.

Не вписываясь в замок кособокий,
Они уже сползали на поля,
И, обходя зачёркнутые строки,
Переплетались, словно кренделя.

Казались полнозвучными в тиши
Слова и строк созвучия в странице,
Куда спонтанно лился ток души,
Как первый дождь, что на поля ложится.

И высекало дух стихотворенья,
Скрываясь за приспущенностью век,
Шестое чувство – вдохновенье,
Из гулкой бездны взяв разбег.

ЗА СТОПКОЙ КНИГ

Смеркалось. Я за стопкой книг,
В лавине строк и междустрочий.
Я во вселенную проник,
Войдя в пучину многоточья.

С товаром сказочным лавчонка
В Кастальском переулке есть.
Слова поблескивают звонко –
Их ни потрогать, и ни съесть.

Когда проклюнулся апрель
Сквозь тихий шелест душ в страницах–
Как разбивает лёд форель–
Двенадцать глав раскрыли в лицах.

Двенадцать строк исповеданья
О бабочке, что так мила,
О бархате с живым миганьем,
Что уместился в два крыла.

Поведала свою печаль
Мне муза царственного слова,
И Незнакомка сквозь вуаль
Струить бездонный взор готова,

Дыша духами и туманом.
Спит Оссианова струна,
И над шотландскою поляной
Висит кровавая луна.

Есть в тайне некий привкус зла
И чародействия начало.
Картина в памяти жила
И годы долгие терзала.

В мираж входил я с замираньем
И видел сквозь туман в окне,
Как отрок гулким утром ранним
Скакал на розовом коне.

Былое грезилось во мгле,
Въезжая в новый век в карете.
«Свеча горела на столе,
Свеча горела» – строки эти

Зазывно пели, как сирены.
Принц датский возникал не раз.
И мерили подмостки сцены
Бинокли тысячами глаз.

Нам зов души не побороть
В порыве творческом безумства.
Кричит наш дух, терзая плоть,
Рождая ток шестого чувства.

Мираж очей – живые сны
В кольце непознанных столетий.
И мои мысли-скакуны
Летят, как птицы, по планете